Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

Годъ тридцать первый. | ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ. | 5-го Сентября 1893 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣдом. за прошедшіе годы и за настоящій 1893 годъ по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 36.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Содержаніе № 36.

Дѣйствія Правительства.

ОТЪ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13-го ноября 1892 г. Положенія Комитета Министровъ, **окончательнымъ срокомъ для обмѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ прежнихъ образцовъ** 50 р., 25 р., 10 р., 5 р., 3 р. и 1 р. достоинствъ, выпущенныхъ на основаніи Высочайшаго Указа 13 февраля 1868 г., а равно и 25 руб. билетовъ, выпущенныхъ на основаніи Высочайшаго Указа 20 октября 1880 г., назначено **1-е мая 1894 года.**

По истеченіи этого срока, кредитные билеты прежнихъ образцовъ **не будутъ принимаемы** въ казенные платежи и **не обязательны къ обращенію между частными лицами.**

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 1 мая 1894 года:

1) Выпущенныхъ по Указу 13 февраля 1868 года:

50 р. дост., съ портр. **Императора Петра I-го.**
25 „ „ „ „ **Царя Алексѣя Михайловича.**
10 „ „ „ „ **Царя Михаила Ѳеодоровича.**
5 „ „ „ „ **Великаго Князя Димитрія Донскаго.**
3 „ „ — } годъ выпуска помѣщенъ **по срединѣ** оборотной стороны билетовъ.
1 „ „ —

2) Выпущенныхъ по указу 20 октября 1880 года:

25 рублеваго достоинства—бѣлаго цвѣта безъ всякихъ украшеній и печати на оборотной сторонѣ.

Мѣстныя Распоряженія.

— **Перемѣщеніе.** Указомъ Св. Синода отъ 27 августа за № 3807 изъ Брянской Бѣлобережской пустыни, Орловской епархіи, перемѣщенъ въ число братіи Виленскаго Свято-Духова монастыря іеромонахъ *Іосифъ*, съ возложеніемъ на него обязанностей миссіонера противо-еврейской миссіи.

— 27 августа на вакантное мѣсто псаломщика въ г. Трокахъ назначенъ б. воспитанникъ I класса Литовской семинаріи сынъ псаломщика *Иванъ Левицкій*.

— 25 августа **взаимно перемѣщены**, для пользы службы, по прошенію, священники церквей: Римковской, Дисненскаго уѣзда, *Василій Никольскій* и Цитовянской, Россіенскаго уѣзда, *Іоаннъ Смирновъ*.

— 31 августа священникъ Ново-Красносельской церкви, Вилейскаго уѣзда, *Василій Гушкевичъ* **уволенъ**, согласно прошенію, за штатъ, по разстроенному здоровью, а его мѣсто предоставлено окончившему курсъ семинаріи псаломщику той же церкви Николаю Тиминскому.

— 31 августа на мѣсто псаломщика въ селѣ Ново-Красносельѣ, Вилейск. у., назначенъ, въ званіи исправляющаго должность, б. воспитанникъ Виленскаго Духовнаго училища *Михаилъ Гушкевичъ*.

— 2 сентября **уволенъ**, вслѣдствіе прошенія, по болѣзни, за штатъ священникъ Сѣдельникской церкви, Волковыскаго уѣзда, *Николай Будзиловичъ*, а его мѣсто предоставлено діакону Зельзинской церкви, того же уѣзда, состоящій на вакансіи псаломщика, *Николай Мироновичъ*.

— 24 августа утверждены **въ должности церковныхъ старостъ** на три года выбранные къ церквамъ: 1) Осиногородской, Дисненскаго уѣзда, учитель народнаго училища Григорій Андреевъ Рысевецъ; 2) Норицкой, Вилейскаго уѣзда, старшій запасной фейерверкоръ изъ кр—янъ дер. Кривое Иванъ Леонтьевъ Захаричъ—на второе трехлѣтіе; 3) Лужецкой, Дисненскаго уѣзда, кр—нинъ мѣст. Лужекъ Иванъ Казиміровъ Хлоръ—на второе трехлѣтіе.

Мѣстныя извѣстія.

— **От Литовскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.** Въ № 33 Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за текущій годъ пропечатанъ указъ Св. Синода, отъ 28 іюля за № 3286, на имя Высокопреосвященнаго Епископа Доната, коимъ, между прочимъ, предложено представить нынѣ же г. Оберъ-прокурору Св. Синода соображенія объ учрежденіи, въ видахъ лучшаго надзора и единства направленія учебнаго дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты, должности епархіальнаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ изъ лицъ священнаго сана, съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, или, въ случаѣ нужды, въ видѣ временной мѣры, изъ лицъ свѣтскихъ, съ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 1500 до 2000 рублей ежегодно каждому епархіальному наблюдателю, при чемъ указать и кандидатовъ на замѣщеніе сихъ должностей.

Въ виду прописаннаго требованія, Епархіальный Училищный совѣтъ, на основаніи своего постановленія отъ 3/7 минувшаго августа за № 2096, проситъ лицъ, желающихъ занять должность епархіальнаго наблюдателя и имѣющихъ на то право, заявить о томъ письменно Его Высокопреосвященству или Епархіальному Училищному Совѣту.

— 27 августа преподано **Архипастырское благословеніе** Его Высокопреосвященства учителю Россіенскаго уѣзднаго училища Ивану Ивановичу Иванову, пожертвовавшему въ церковь, въ память 17 октября 1888 г., икону съ изображеніемъ празднуемыхъ въ этотъ день святыхъ, въ орѣховомъ кіотѣ съ лампадою, стоимостію въ 145 рублей.

— 31 августа преподано Архипастырское благословеніе Его Высокопреосвященства: 1) церковному старостѣ Волчинской церкви, Брестскаго уѣзда, Якову Шумику, съ выдачею похвальнаго листа, и прихожанамъ той же церкви, пожертвовавшимъ на ремонтъ ея 600 руб.; 2) крестьянину дер. Добрый-Боръ Говѣйновичскаго прихода, Слонимскаго уѣзда, Петру Николаеву Пытелю, пожертвовавшему въ память своего покойнаго отца колоколъ въ 20 пудовъ, стоимостію 400 р.

Пожертвованіе. Артистка Императорскихъ театровъ Марья Гавриловна Савина, при письмѣ на имя священника Друскеникской церкви, Гродненскаго уѣзда, прислала 463 рубля для употребленія на постройку женской церковно-приходской школы.

— Въ Видскую церковь, Новоалександровскаго уѣзда, отъ капитана Александра Костина изъ Кронштадта поступило 300 рублей на нужды оной.

— 7 сентября годовщина смерти въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Митрополита Исидора.

— **Отъ миссіонера П. І. Дрейзина.** Съ 11 сентября сего 1893 года вновь открываются мною собесѣдованія о христіанской вѣрѣ съ евреями и иновѣрцами въ домѣ Св.-Духовскаго Братства по Замковому переулку, въ слѣдующемъ порядкѣ: общія собесѣдованія будутъ по субботамъ отъ 4 до 6 ч. дня; частныя ежедневно отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера; желающимъ наединѣ побесѣдовать—отъ 9 ч. вечера.

— **Архіерейскія служенія.** Въ воскресенье, 29 августа, въ праздникъ Усѣкновенія Главы Пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, Высокопреосвященный Донатъ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, совершилъ божественную литургію въ Св.-Духовомъ монастырѣ въ 9½ час. утра.

Въ часъ по полудни того же числа Владыка совершилъ въ Александровской часовнѣ по воинамъ, убіеннымъ на полѣ брани, панихиду, въ сослуженіи городскаго духовенства и въ присутствіи всѣхъ высшихъ чиновъ и множества народа.

Въ понедѣльникъ, 30 августа, въ день Тезоименитства Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича, Высокопреосвященный Донатъ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій совершилъ божественную литургію и благодарственный молебенъ въ Каѳедральномъ соборѣ въ 10 ч. утра, а накануне въ томъ же соборѣ въ 6 ч. вечера Владыка совершилъ всенощное бдѣніе. 29 августа очередную проповѣдь произнесъ свящ. А. Звѣревъ, а 30 авг. настоятель Николаевской церкви М. Померанцевъ.

Неоффиціальный отдѣлъ.

Труды IX Виленскаго Археологическаго Съѣзда.

Засѣданіе для рефератовъ на иностранныхъ языкахъ 5-го августа въ 10 ч. дня.

Почетный предсѣдатель проф. Л. Х. Штида.
Предсѣдатель графиня Н. С. Уварова.
Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

I. Графъ Флери доложилъ о „Неолитической стоянкѣ въ Кемпѣ“.

Мѣстность стоянки—пограничіе Гродненской губерніи въ разстояніи одного километра отъ слiянія Нарева и Бобра. Это островокъ кварцевыхъ песковъ, возвышающійся надъ окрестными заливными лугами; равнину обрамляютъ холмы, усѣянные гранитнымъ камнемъ ледниковаго происхожденія. Населеніе этой стоянки жило рыбной ловлей и охотой, не знало желѣза. Въ обиліи были найдены кремневыя орудія разныхъ типовъ, и лишь незначительное количество бронзовыхъ украшеній. Богатую коллекцію кремневыхъ орудій въ прекрасной сортировкѣ на таблицахъ докладчикъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія.

Указывая, что въ данной мѣстности была не только стоянка неолитической эпохи, но и мастерская кремневыхъ

орудій, а также по фрагментамъ многочисленныхъ керамическихъ издѣлій, докладчикъ старался установить существованіе кладбища той же эпохи.

Профессора Антоновичъ и Анучинъ просили у докладчика нѣкоторыхъ разъясненій.

2. Баронъ де-Бай представилъ докладъ объ Асторгскомъ ковчежцѣ для мощей.

3. Князь Путятинъ предложилъ нѣсколько замѣчаній „Къ вопросу о дѣленіяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи“.

4. Графъ Флери сдѣлалъ сообщеніе о церкви св. Михаила въ Ломжѣ. — Сооруженіе этой церкви относится къ 1520 г. и сдѣлано на средства старосты ломжинскаго Ивана Войславскаго съ пособіемъ отъ князя мазовецкаго Станислава съ сестрою. Широкій фасадъ съ разукрашеннымъ фронтономъ выведенъ въ томъ же стилѣ, что и Нюренбергскій соборъ. Позднѣйшая реставрація значительно измѣнивъ внѣшній видъ церкви, не коснулась лишь колокольни. Внутри церковь меньше пострадала, нежели снаружи. Главный интересъ церкви составляютъ гробницы ломжинскихъ старостъ въ хорахъ капеллъ и ихъ портреты, нарисованные на оловянныхъ доскахъ. Доски эти прибивались къ изголовію гроба и т. о. портретъ служилъ вмѣсто надписанія имени, какъ дѣлается это теперь. Референтъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія фотографіи колокольни и трехъ гробницъ, а также цѣлую серію досокъ съ портретами 17 и 18 вв.

Засѣданіе 5 августа въ 1½ час. дня.

Н. И. Веселовскій привѣтствовалъ появленіе на съѣздѣ академика В. Гр. Васильевскаго, извѣстнаго изслѣдователя по Византійской исторіи, много занимавшагося и исторіей Сѣверо-Западнаго русскаго края.

Вас. Гр. Васильевскій заявилъ, что онъ не считаетъ себя достойнымъ такого привѣтствія съѣзда, по его мнѣнію, гораздо больше правъ на это привѣтствіе имѣетъ извѣстная изслѣдовательница русскаго обычнаго права Александра Яковлевна Ефименко, имя которой стоитъ первымъ въ программѣ сегодняшняго засѣданія.

1. „О копныхъ судахъ“ рефератъ А. Я. Ефименко:

18-й томъ Актовъ Виленской Археографической коммиссіи весь посвященъ копнымъ судамъ. Явленіе, извѣстное по десятку-двумъ документовъ, позволявшимъ дѣлать о немъ заключенія очень растяжимыя, — вдругъ предстаетъ въ яркомъ освѣщеніи, дающимъ возможность оцѣнить его въ полной мѣрѣ его значенія. Изданные документы захватываютъ территорію Брестскую, Минскую, Пинскую, Слонимскую и Слуцкую. Но 3 Статутъ свидѣтельствуетъ о распространенности копныхъ судовъ „на Руси“. А акты, найденные Иванишевымъ въ архивѣ юго-западнаго края, выдержки у Филарета, кой-какіе акты, найденные въ черниговскихъ архивахъ, доказываютъ распространеніе этого явленія и на территоріи Украины и Сѣверщины. Однимъ словомъ, распространеніе копныхъ судовъ по всей территоріи Литовской Руси надо считать не за гипотезу, а за установленный фактъ. Виленскіе акты констатируютъ его существованіе до начала 18 столѣтія включительно; въ Сѣверщинѣ встрѣчаемся съ нимъ также въ прошломъ столѣтіи. Конечно, копные суды Западной Руси не могли перенести въ 18 вѣкъ нетронутыми всѣ черты своего архаическаго облика, такъ краснорѣчиво говорящія о томъ строѣ правовыхъ понятій, когда всякій, кто не рабъ, есть мужъ, а всѣ мужи равны передъ лицемъ правосуднаго Бога. Со второй половины 17-го вѣка западнорусское общество окончательно раскололось на два враждебные стана — шляхтичей и хамовъ, и копный судъ лишился почвы, на которой онъ только и могъ нормально существовать. Почва эта: личная свобода и юридическое, если не фактическое, равенство всѣхъ членовъ копнаго округа.

Копный судъ есть судъ народнаго собранія, копы, купы, громады, вѣча. Каждый копный судъ предполагаетъ свой копный округъ. Копныхъ округовъ, коповищъ, объема компетенціи копъ правовой и фактической я не буду касаться въ виду того, что все это достаточно выяснено г. Спрогисомъ въ обстоятельномъ предисловіи къ тому Актовъ. Укажу лишь на тѣ черты, которыя ускользнули отъ вниманія и анализа автора этого предисловія.

18 томъ Актовъ Виленской коммиссіи даетъ матеріалъ единственный въ своемъ родѣ: онъ представляетъ намъ превосходную картину архаическаго суднаго процесса.

Судный процессъ, по копному праву, представляетъ намъ въ очень яркомъ выраженіи тѣ же три главные момента, на какіе распадается и процессъ современный. Весь процессъ въ его полномъ развитіи требуетъ трехъ копъ. Первая копа, горячая, есть актъ предварительнаго дознанія. Вторая копа — большая, великая, вальная, генеральная — представляетъ собой судебное слѣдствіе, въ точномъ смыслѣ этого слова. Третья копа, завитая, есть судебное рѣшеніе, соединенное съ приведеніемъ его въ исполненіе. Эта расчисленность копнаго процесса, указывающая на относительно высокую степень правоваго смысла и развитія народа, легко можетъ ускользнуть отъ вниманія не только простого читателя актовъ, но даже и серьезнаго изслѣдователя, какъ у автора предисловія — съ одной стороны вслѣдствія крайней отрывочности документовъ, занесенныхъ по болѣе или менѣе случайнымъ поводамъ въ гродскія книги, съ другой — вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей копнаго права, которыя выяснятся дальше.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ каждой копы съ ея любопытными типическими особенностями, укажу на то, что преступникъ „съ лицомъ“, т. е. съ поличнымъ, пойманный „на горячемъ учинку“, не нуждался въ сложной копной процедурѣ.

Горячая копа имѣла по необходимости, такъ-сказать, случайный характеръ. Обыватель открываетъ, что у него выкрадена комора, угнана лошадь, потравлено поле и т. д. и т. д. Его интересъ — скликать какъ можно скорѣе кто попадется подъ руку, конечно, прежде всего сосѣдей, которые не имѣютъ права уклониться отъ зова. Если есть возможность пригласить какое нибудь оффиціальное лицо, хоть урядника съ панскаго двора, хорошо; нѣтъ — можно обойтись и такъ. Главная обязанность горячей копы — гнать слѣдъ. Это высоко любопытная черта архаическаго процесса можетъ служить прямой иллюстраціей статьи Русской Правды о свободѣ по землямъ. Слѣдъ приводитъ иногда къ необходимости „трасти домъ“ (дѣлать обыскъ). Когда не надо было ни гнать слѣдъ, ни трасти, горячей копѣ приходилось дѣлать опытъ, т. е. опросъ лицъ, которыя могли что-нибудь знать, обликъ, т. е. осмотръ лезивъ, веревочныхъ лѣстницъ — не въ меду-ли чье лезиво — если дѣло шло о подранье пчелъ и т. д.

Такими путями горячая копа сбираетъ нѣкоторый матеріалъ для дальнѣйшаго хода дѣла. Но она можетъ, ко-

нечно, и ничего не собрать, если преступникъ успѣлъ хорошо схоронить концы. И въ томъ и другомъ случаѣ пострадавшему одинъ исходъ: созвать великую копу.

На великой копѣ несомнѣнно сосредоточивается центръ тяжести копнаго процесса. Она-то собственно только и обязана была сбираться на коповищѣ: отъ участія въ ней не могъ уклоняться ни одинъ членъ копнаго округа; путемъ ея лишь дѣло принимало опредѣленную правовую окраску.

Всѣ мужи т. е. представители домохозяйствъ, должны были, по заявленію пострадавшаго, въ опредѣленный срокъ собраться на коповищѣ. Только болѣзнь или вообще физическая невозможность могла избавить мужа отъ этой явки. Позже — и, очевидно, подъ вліяніемъ развивавшейся панской власти—стало допускаться представительство; во всякомъ случаѣ—тѣ лица, присутствія которыхъ копа желала, должны были явиться лично. Она имѣла сильное средство вынудить каждаго, въ комъ была заинтересована, къ личной явкѣ. Средствомъ этимъ была формула: „невыходъ платитъ шкоду", т. е. лицо или село, съ явной предумышленностію уклоняющееся отъ явки на копу, присуждается къ удовлетворенію обиженнаго. Тѣмъ самымъ оно не признается виновнымъ въ правонарушеніи, и ему предоставляется въ свою очередь отыскивать виноватаго и свои убытки; но оно платится за тѣ препятствія, какія кладетъ своимъ упорствомъ правильному ходу правосудія. Разумѣется, такой оборотъ дѣла возможенъ лишь при господствѣ той точки зрѣнія, для которой нѣтъ строгаго различія между уголовнымъ и гражданскимъ правонарушеніемъ и съ которой всякое правонарушеніе можетъ имѣть свой матеріальный эквивалентъ. Такимъ способомъ копа гарантировала себѣ правовое содѣйствіе всѣхъ членовъ своего округа. А это содѣйствіе, т. е. активное участіе въ раскрытіи преступленія и возстановленіи нарушеннаго права всѣхъ членовъ округа являлось чрезвычайно сильнымъ орудіемъ правосудія. Если истецъ не могъ ничего добиться созывомъ горячей копы, онъ обращался къ собранной великой копѣ, заявляя, что онъ ничего не могъ разузнать о виновномъ, и прося содѣйствія копы. И просьба эта почти никогда не оставалась безъ результата. Общимъ опросомъ всѣхъ присутствующихъ непремѣнно выяснялось, что кто нибудь что-нибудь видѣлъ, слышалъ, сообразилъ, и копа легко по ниточкѣ добиралась до клубка: самое большое что приходилось иногда для провѣрки или для добавочнаго какого нибудь опроса отложить копное собраніе на другой разъ. Изрѣдка лишь случалось, что, ничего не добившись, копа пускала дѣло „на переслухъ", до новыхъ слуховъ, вѣстей и свѣдѣній.

Добывши матеріалъ—путемъ-ли указаній истца и его горячей копы, своимъ-ли собственнымъ дознаніемъ черезъ общій опросъ мужей-копниковъ—великая копа приступала къ судебному слѣдствію.

Копа, сколько можно судить по намекамъ документовъ, обставляла свои засѣданія торжественностью, наглядно демонстрирующей важность момента. Проводилась черта, вѣроятно круговая, которою отдѣляли дѣйствующихъ лицъ процесса отъ толпы. Старшіе копники „засѣдали въ лавѣ" (въ ряду) съ возным и стороной, двумя шляхтичами — людьми добрыми, безъ которыхъ, по крайней мѣрѣ съ 16 вѣка уже нельзя было открывать великой копы. Громко провозглашалось открытіе суда.

Слѣдствіе состояло: изъ „вольнаго правнаго мовенья" (состязательство сторонъ) и предъявленія судебныхъ доказательствъ. „Лицо" поличное почти не играетъ никакой роли въ числѣ этихъ доказательствъ по причинамъ, указаннымъ выше; но зато „свѣтки", свидѣтели, которыхъ не знаетъ процессъ глубокой правовой древности, уже являются на копномъ судѣ съ большимъ значеніемъ.

Зато другія судебныя доказательства носятъ вполнѣ архаическій характеръ. Таковъ обычай ставить или кидать въ черту шапку, ставить и приставлять ногу или голень. Но я остановлюсь только на присягѣ, которая являлась не только съ характеромъ судебнаго доказательства, но и важнѣйшаго изъ доказательствъ.

Присяга имѣла въ копномъ правѣ особенное, совершенно исключительное значеніе. Она играла роль могучаго рычага, при посредствѣ котораго легко, быстро и свободно двигался судный процессъ, несмотря на видимую слабость его ресурсовъ.

Почти не было суднаго дѣла, которое въ своей развязкѣ обошлось-бы безъ такого или иного примѣненія присяги; и всегда она являлась съ силою и значеніемъ окончательно рѣшающаго аргумента. Къ присягѣ могли требоваться или допускаться и стороны, и ихъ сосѣди или родственники въ качествѣ соприсяжниковъ (Eideshelfer) и свидѣтели, однимъ словомъ, всѣ прямые и косвенные участники суднаго процесса. Но собственно, кто бы не присягалъ, присяга имѣла лишь два смысла: она была или обвинительная или очистительная, при чемъ обвинительная примѣнялась лишь въ опредѣленныхъ, ограниченныхъ случаяхъ, но очистительная очень широко и разнообразно.

Къ очистительной присягѣ прибѣгали во всей той массѣ случаевъ, когда истецъ не могъ выставить неопровержимыхъ уликъ, а отвѣтчикъ былъ добрый, не „подейзреный" человѣкъ: послѣднее условіе было очень важно. Приносить очистительную присягу отвѣтчикъ долженъ былъ обыкновенно съ тремя изъ сосѣдей или родственниковъ по назначенію истца, и принесеніе присяги совершенно освобождало отвѣтчика; но зато отказъ сосѣдей отъ соприсяжничества влекъ неминуемо его обвиненіе.

Обвинительная присяга давалась въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ собралъ вѣскія улики противъ отвѣтчика, но отвѣтчикъ самъ-по-себѣ былъ добрый человѣкъ, который не возбуждалъ по отношенію къ себѣ недовѣрія со стороны мужей-копниковъ; или когда отвѣтчикъ былъ подейзреный человѣкъ, приличный злодій: въ послѣднемъ случаѣ самая ничтожная улика, при содѣйствіи обвинительной присяги, могла его погубить. Обвинительная присяга также обыкновенно не была личной: вмѣстѣ съ истцомъ присягали его сосѣди или родные. Въ случаяхъ большой запутанности и важности копа обставляла присягу сложнѣе: требовала соприсяги многихъ лицъ по своему назначенію, даже и изъ другихъ сосѣднихъ селъ.

Такимъ образомъ при посредствѣ присяги всякое дѣло, если не распутывалось, то разрубалось, во всякомъ случаѣ разрѣшалось очень легко. Конечно, это возможно было лишь при полномъ господствѣ такого міровоззрѣнія, которое видѣло въ присягѣ прямой актъ обращенія къ Божьему вмѣшательству, въ видоизмѣненной формѣ тотъ же самый судъ Божій, который составляетъ такую необходимую составную часть всякаго архаическаго суднаго процесса. Несмотря на такое широкое примѣненіе присяги къ ней относятся все-таки съ чрезвычайной бережностью. О ложной присягѣ до 2-й половины 17 в., когда соціальная неурядица приняла видъ остраго кризиса, нѣтъ и помина. Напротивъ, приходится наталкиваться на то, что та или

другая сторона (никогда, конечно, соприсяжники, потому что ихъ роль только роль помощниковъ къ главному отвѣтственному присяжнику) отказывалась къ явному для себя ущербу отъ несомнѣнно правой присяги единственно, чтобы не тревожить присягой Господа Бога, или отвѣтчикъ сознаніемъ предупреждаетъ обвинительную противъ себя присягу истца, „чтобъ не ображать его души".

Великая копа ведетъ судебное слѣдствіе. Но во многихъ случаяхъ—на большую половину—конецъ судебнаго слѣдствія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ дѣла. Это во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда копа не усматриваетъ въ правонарушеніи преступности, а видитъ въ немъ лишь шкоду, матеріальный ущербъ, т. е. въ переводѣ на современный языкъ усматриваетъ въ немъ признаки лишь гражданскаго, а не уголовнаго правонарушенія. Въ этомъ случаѣ главное вниманіе копы устремлено не на то, чтобы открыть шкодника, а чтобы такъ или иначе возмѣстить пострадавшему его шкоду.

Село не могло отвести слѣдъ, и копа больше ничего не ищетъ: село платитъ шкоду; лицо или село, безъ всякаго указанія уважительныхъ причинъ, не вышло на копу: невыходъ платитъ шкоду; такой-то членъ копнаго округа скрылся отъ копы, что у него былъ гость изъ-за предѣловъ копнаго округа: онъ платитъ шкоду; такой-то домохозяинъ держитъ у себя лезныхъ людей, домохозяинъ платитъ шкоду и т. д. Всѣ они, эти лица или села, должны уплатить шкоду, и если считаютъ себя обиженными, искать тѣмъ же правовымъ путемъ дальше своей шкоды, доходить до настоящаго шкодника. Но и этотъ настоящій шкодникъ можетъ быть въ глазахъ копы только шкодникомъ: возмѣстить шкоду, уплатитъ „пересудъ" и дѣло кончено. Нужна была совокупность особыхъ признаковъ, по которымъ шкода переходила въ преступленіе, злодѣйствіе, а шкодникъ въ преступника, злодія. Вотъ съ этимъ-то переходомъ и связана была третья, завитая, копа.

Конечно, были правонарушенія, которыя съ самаго начала являлись съ несомнѣнными признаками преступности: поджогъ, убійство, колдовство, святотатство. Но значительное большинство дѣлъ, разбиравшихся копными судами, не имѣли этой несомнѣнности; отъ великой копы зависѣло, какъ взглянуть на нихъ, какъ на шкоду ли, или какъ на злодѣйство.

Чѣмъ руководствовалась копа, устанавливая по отношенію къ этому свою точку зрѣнія, трудно сказать съ полной опредѣленностью: несомнѣнно, что однимъ изъ важнѣйшихъ, если не единственнымъ, рѣшающимъ моментомъ была личность преступника. Добрый ли это человѣкъ, или подейзреный, приличный злодѣй, осѣдлый ли членъ округа, домохозяинъ, или лезный, панскій слуга, пришелецъ изъ чужой стороны; вотъ съ какими признаками соединялось, повидимому, квалифицированіе шкоды въ злодѣйство.

Итакъ, завитая копа собиралась лишь для преступника.

Завитая копа позволяетъ намъ заглянуть въ самый генезисъ понятія уголовной преступности въ связи съ его общественнымъ значеніемъ. Шкодникъ имѣетъ отношеніе только къ своему истцу; но и преступникъ не теряетъ еще этого своего, такъ сказать, частно, правоваго отношенія къ пострадавшему отъ его правонарушенія, не теряетъ „до послѣдняго стовпия шибеницы". Но въ то же время на встрѣчу притязаніямъ пострадавшаго вырастаютъ новыя притязанія всѣхъ членовъ копнаго округа.

Всякій членъ копнаго округа имѣетъ право „попытать злодія о свои шкоды", т. е. если онъ раньше пострадалъ и не могъ разыскать своего шкодника, то теперь имѣетъ право подвергнуть преступника пыткѣ, чтобъ добиться у него сознанія. Такимъ образомъ преступникъ дѣлается какъ бы общественнымъ достояніемъ. И если только въ округѣ бывали преступленія съ нераскрытыми виновниками, преступникъ неизбѣжно подвергался пыткѣ огнемъ.

Единственно только полное добровольное сознаніе могло предупредить пытку, да и то не всегда. Окончательный исходъ почти всегда былъ одинъ—висѣлица. Освободиться отъ висѣлицы было очень трудно. Тотъ или тѣ, кто „имѣлъ жаль" на преступника, въ соотвѣтствіи съ духомъ архаическаго права, могли освободить преступника; но тѣмъ самымъ они брали на себя отвѣтственность за его дальнѣйшія дѣянія. Поэтому освобожденіе преступника отъ висѣлицы является лишь какъ рѣдкое исключеніе. Большое значеніе придавалось предсмертнымъ признаніямъ подсудимаго, тѣмъ, какія онъ дѣлалъ „на остатнемъ стовпинѣ", особенно по отношенію къ товарищамъ и сообщникамъ. Всякій оговоръ въ этотъ моментъ не только кидалъ тѣнь подозрѣнія на оговореннаго, но имѣлъ и важное юридическое значеніе, и даже вписывался въ „черныя" гродскія книги.

А уже, конечно, въ сознаніи мужей-копниковъ такой оговоренный навсегда оставался съ клеймомъ подейзренаго человѣка и малѣйшаго повода было достаточно, чтобъ погнать его на висѣлицу.

Итакъ, копные документы даютъ намъ превосходную—совершенно исключительную по полнотѣ деталей—картину архаическаго суднаго процесса. Кое-какія черты уже, конечно, выцвѣли отъ времени или закрыты новѣйшими наслоеніями, но многія еще ярки и выразительны. И опытная рука ученаго историка права, при помощи историко-сравнительнаго метода, легко можетъ во всей полнотѣ реставрировать намъ настоящій древне-русскій, или даже древне-славянскій судный процессъ; судя же по массѣ существенныхъ общихъ чертъ, сохранившихся у германскихъ племенъ, сколько можно заключить по Rechtsalterthümer Гримма, можетъ быть даже и судъ общихъ славянамъ и германцамъ прародителей.

Однако, какое же мѣсто занимаетъ народный судъ въ исторіи развитія суда вообще? Никакого, если стоять на общепринятыхъ наукой положеніяхъ. Исторія права допускаетъ народный судъ, какъ гипотезу, которая могла имѣть свою реализацію за какими то отдаленными предѣлами исторіи; но положительно утверждаетъ, что въ извѣстныхъ исторіи предѣлахъ судъ былъ исключительной принадлежностью верховной власти.

Я считаю такое утвержденіе безусловно ошибочнымъ. Основанія его ясны. И à priori легко понять, что формирующееся государство, разыскивая средства для своей поддержки, естественно приходило къ тому, что видѣло въ преступникѣ, этомъ нарушителѣ общественнаго мира, источникъ своихъ доходовъ. A-posteriori это предположеніе подтверждается хотя бы тѣми же лѣтописными словами епископовъ, которыя они говорили Владиміру св.: Будутъ виры, будетъ на что содержать и дружины,—слова, превосходно обрисовывающія положеніе. Но отсюда еще далеко до утвержденія, что судъ принадлежалъ князю. Многія категорическія выраженія памятниковъ о княжескомъ судѣ и княжескихъ судьяхъ можно безъ малѣйшей натяжки тол-

ковать въ смыслѣ взысканія въ пользу князя судебныхъ пошлинъ при допущеніи народнаго суда. „А у колцѣ судьи скажутъ“, говоритъ Судебникъ Казимира, и никто не сомнѣвается, что здѣсь идетъ рѣчь о великокняжескихъ судьяхъ. Но если читать копные документы, въ которыхъ подробно разсказывается, какъ судьи, выбранные сторонами изъ мужей-копниковъ, засѣдаютъ для обсужденія дѣла, то приходишь къ убѣжденію, что это и есть именно „судьи въ колцѣ“, т. е. въ чертѣ, о которой говорятъ документы. Этимъ я не хочу сказать, что княжеская власть не имѣла ни въ какомъ случаѣ никакого отношенія къ суду, кромѣ финансоваго, и что судъ извѣстныхъ эпохъ былъ всегда и исключительно народный.

Нѣтъ, я утверждаю не это, а вотъ что.

Основываясь на данныхъ историко-сравнительной этнографіи вообще, на превосходномъ трудѣ М. М. Ковалевскаго о Правѣ Осетинъ въ частности, я утверждаю, что развитіе права, какъ его матеріальной, такъ и формальной стороны, шло двумя параллельными путями. Т. е. въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что каждое общество сложилось изъ родовыхъ группъ, въ его правовыя понятія вошли и переплелись между собою неразрывно два типа понятій о правдѣ: правда для своихъ, практикующаяся внутри родовой группы, и правда для чужихъ, по которой укладываются отношенія между группами. Этотъ двойственный характеръ развитія отразился и на формальной сторонѣ права, между прочимъ и на организаціи суда.

Правда для своихъ внутри своей родовой группы, естественно искалась въ коллективномъ сознаніи этой группы. Правда для чужихъ – въ между-групповыхъ отношеніяхъ, въ соглашеніи, договорѣ, посредничествѣ лицъ, стоящихъ внѣ той и другой группы, и по той или другой причинѣ одинаково признаваемыхъ той и другой.

Отсюда два типа суда: одинъ—судъ народной сходки, вѣча; другой—судъ полюбовный, третейскій, судъ лица съ общепризнанной авторитетностью—жрецовъ, мудрецовъ или вѣщихъ, біевъ, брегоновъ. Этого же типа, этого же происхожденія и княжескій судъ. До какого относительно поздняго времени сохранился этотъ полюбовный характеръ княжескаго суда, свидѣтельствуютъ и западно-русскіе памятники 15 и 16 вв., уставныя и судныя грамоты, гдѣ постоянно встрѣчаются выраженія: „А коли одинъ выдастъ ся, а другой не выдастъ ся, вины въ томъ нѣтъ“, что я по смыслу разныхъ видоизмѣненій этого обычнаго выраженія толкую такъ: „кто выдастъ себя на судъ князя и кладетъ въ томъ заруку, а другой не выдастъ, то этого другого нельзя насильственно привлекать къ княжескому суду.

Изъ всего сказаннаго выше вытекаетъ, что господствующее до сихъ поръ и общепринятое мнѣніе о судѣ, какъ необходимомъ атрибутѣ княжеской власти, по меньшей мѣрѣ требуетъ пересмотра. И что матеріалъ о копныхъ судахъ даетъ намъ вѣскіе новые аргументы, доказывающіе необходимость этого пересмотра.

Рефератъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей.

И. Я. Спрогисъ, поблагодаривъ автора реферата за ея работу, привѣтствовалъ его особенно, какъ трудъ женщины, сердце которой чутко къ свободѣ, такъ какъ въ разсматриваемое время и крестьянинъ стоялъ на ряду съ боярами и рѣшалъ судъ, но г. Спрогисъ заявилъ, что расчлененіе копнаго суднаго процесса, сдѣланное авторомъ, придаетъ отдѣльнымъ копамъ характеръ судебныхъ инстанцій, между тѣмъ какъ копы, не инстанціи, а только разные моменты одной и той же копы. Г-жа А. Я. Ефименко отвѣтила, что только документами можно доказать точность вывода, но что, вѣроятно, и И. Я. Спрогисъ не станетъ отрицать того, что каждая копа имѣетъ опредѣленное юридическое значеніе; кромѣ того, расчлененіе копнаго суднаго процесса важно и тѣмъ, что оно связываетъ этотъ прецессъ съ суднымъ процессомъ другихъ правъ, особенно славянскихъ, которыя постоянно упоминаютъ о трехъ судныхъ копахъ. И. А. Линниченко указалъ на то, что въ актахъ Головацкаго, т. наз. „Бернадинскихъ“, можно найти матеріалы для копныхъ судовъ въ болѣе раннее время, чѣмъ акты XVIII тома Виленской коммиссіи, относящіяся къ XVI—XVII стол., когда копные суды начали уже разлагаться; въ заключеніе И. А. Линниченко выразилъ надежду, что А. Я. Ефименко, столь много уже поработавшая надъ русскимъ обычнымъ правомъ, выяснитъ въ своихъ трудахъ характеръ древне-русской общины. Къ этому заявленію присоединился Романовичъ-Словятинскій, горячо благодарившій А. Я. Ефименко за ея докладъ.

Ѳ. И. Успенскій обратилъ вниманіе собранія на то, что рефератъ выясняетъ значеніе народнаго суда не въ одной только Руси, но и у другихъ народовъ, въ подтвержденіе онъ указалъ на manu missio (отпущеніе рабовъ) предъ народнымъ собраніемъ, на значеніе слова *ситра* (у Дюканжа), очевидно то же, что и копа.

Ар. В. Лонгиновъ возбудилъ вопросъ о значеніи обычая—приставленіе голени къ голени противника и находилъ, что это есть ни что иное какъ очная ставка свидѣтелей.

А. Я. Ефименко полагала, что раціональный смыслъ этого обряда уже утраченъ, но что онъ, по всей вѣроятности, одного значенія съ обрядомъ—ставить шапки съ деньгами и имѣлъ значеніе судебнаго заклада.

Въ древнемъ чешскомъ правѣ, какъ свидѣтельствуетъ Kniha starého pana Z. Rosenberga, истецъ и отвѣтчикъ приставляли ногу къ ногѣ, выговаривая при этомъ формулу судебнаго заклада wdania (sacramentum, Witte).

И. Я. Спрогисъ также находилъ, что этотъ обрядъ имѣлъ для тяжущихся большее значеніе, чѣмъ очная ставка.

Д. Я. Самоквасовъ видѣлъ въ этомъ обрядѣ упоминаніе о судебномъ поединкѣ, къ которому судьи прибѣгали, тогда, когда всѣ другія доказательства были уже исчерпаны.

В. З. Завитневичъ указалъ на то, что въ нашей ученой литературѣ (между прочимъ Владимірскимъ-Будановымъ) уже высказано мнѣніе, что дѣлить строго судъ на княжескій и народный нельзя, что населеніе принимало значительное участіе и въ княжескомъ судѣ, княжескіе чиновники наблюдали за правильнымъ поступленіемъ пошлинъ въ княжескую казну.

Бѣлогрицъ-Котляревскій утверждалъ, что историки права не отрицаютъ участія народа въ судѣ; на что В. Гр. Васильевскій замѣтилъ, что въ ученой литературѣ это составляетъ предметъ спора: такъ относительно Меровингской эпохи Фюстель де Куланжъ отрицаетъ участіе народа въ судѣ, Зомъ совершенно различаетъ судъ народный отъ суда княжескаго, Бруннеръ пытается согласить два эти мнѣнія.

Засѣданія 5 августа въ 1½ ч. дня.

Рефератъ И. А. Линниченко.

„Общины на Валашскомъ правѣ въ Юго-Западной Руси“.

Указавъ на необходимость всесторонняго изученія прошлой жизни народа и на услуги, оказываемыя русской исто-

рической наукѣ археологическими съѣздами, авторъ перешелъ къ специальной темѣ своего реферата. По актамъ, поселенія на Валашскомъ правѣ возникаютъ въ Галицкой Руси въ XIV в., но можно съ большею вѣроятностью предполагать, что они возникли еще въ XIII ст.; авторъ готовъ считать загадочныхъ Болоховскихъ князей за князей валашскихъ поселеній. Внутренній строй валашскихъ поселеній отличается общиннымъ характеромъ. Нѣсколько поселеній въ одной и той же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ*; всѣ села одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на вѣче, гдѣ происходилъ судъ; община отвѣчаетъ круговой порукой за своихъ сочленовъ, имѣетъ общественныя земли, распоряжается ими, несетъ сообща повинности и отбываетъ извѣстныя работы. Значеніе крайника мало выясняется актами; онъ присутствуетъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Во главѣ каждаго села стоялъ князь (часто называемый *солтысъ*, такъ какъ роли ихъ почти одинаковы). Сначала князьями бывали и крестьяне, и священники, и шляхтичи; позднѣе княжества скупались большею частью дворянствомъ. Князь получалъ земельный надѣлъ, по самую существенную часть датаціи князя составляли его доходы съ крестьянъ: ему шла третья часть крестьянскихъ чиншевъ, третья часть судебныхъ пошлинъ, и т. д. Повинность князя состояла прежде всего въ военной службѣ, затѣмъ въ платежахъ въ пользу владѣльца. Княжества обыкновенно уступались владѣльцами за услуги или продавались въ наслѣдственную собственность; съ нашей точки зрѣнія князь въ княжествѣ являлся только какъ usufructor, но сами они смотрѣли на себя какъ на собственниковъ. Крестьяне въ валашскихъ общинахъ сидѣли на отмѣренныхъ земельныхъ участкахъ—дворищахъ; форма владѣнія дворищами—семейно-общинная, которая въ XVI вѣкѣ начинаетъ уже разлагаться; характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью.

Особенность эта вытекла изъ специальнаго занятія Валаховъ—скотоводовъ. Первыя поселенія на Валашскомъ правѣ состояли изъ переселенцевъ—Валаховъ, но съ теченіемъ времени и многія русскія селенія переходили на это право, болѣе выгодное для населенія, чѣмъ право нѣмецкое, столь распространенное въ Западной Руси послѣ подчиненія ея литовско-польскому государству.

Арх. В. Лонгиновъ выразилъ сожалѣніе, что авторъ реферата не остановился подробнѣе на тождествѣ Болоховскихъ князей съ Валашскими князьями въ Мазовіи. Около 1240 г. Бол. князья перешли къ границамъ Мазовіи, тогда же могли появиться Валашскіе поселяне и на Волыни; характерныя черты этого права вытекаютъ изъ занятія населенія скотоводствомъ вообще и овцеводствомъ въ частности, вотъ почему и Русское право, господствовавшее въ червонной Руси со временъ Ярослава I, не могло подавить валашскаго права, вытекавшаго изъ бытовыхъ условій Румынской народности.

На это предсѣдательствовавшимъ В. Гр. Василевскимъ было замѣчено, что референтъ отклонилъ отъ себя вопросъ о Болоховскихъ князьяхъ, потому что вопросъ этотъ подробно разрабатывался на одномъ изъ предыдущихъ съѣздовъ.

Засѣданія съѣзда по II-му отдѣленію, утромъ 7 августа.

(Почетный предсѣдатель А. Ѳ. Мержинскій, предсѣдатель А. И. Пабинскій,—секретарь М. Н. Бережковъ).

1) А. В. Лонгиновъ прочелъ рефератъ „о князѣ Любартѣ-Ѳеодорѣ Ольгердовичѣ и его потомкахъ, князьяхъ Сангушкахъ“. Референтъ доказывалъ существованіе двухъ сходныхъ по имени князей: 1) Любарта-Дмитрія Гедиминовича и 2) Любарта-Ѳеодора Ольгердовича, коего послѣдняго считаетъ родоначальникомъ князей Сангушковъ. (Подробное генеалогическое изслѣдованіе автора по сему предмету напечатано въ „Трудахъ Вилен. отдѣл. Московск. пред. комитета по устройству IX археол. съѣзда, на стр. 275—311)“. На этотъ рефератъ были сдѣланы возраженія г. Любой Радзиминскимъ. Признавая большую важность настоящаго труда референта, г. Люба Радзиминскій не соглашался съ нѣкоторыми выводами его хронологическими и генеалогическими по исторіи князей Любартовъ, такъ, напр., онъ настаивалъ на томъ пунктѣ, что Сангушко былъ сыномъ Ѳеодора Ольгердовича, князя Ратненскаго, не называвшагося Любартомъ. Не признавалъ также достаточной важности по сему вопросу церковныхъ намянниковъ, въ которыхъ есть указанія наводящія сомнѣніе, а номянникъ Сути какъ позднѣйшаго происхожденія— неточный. Референтъ отвѣчая на эти возраженія, замѣтилъ между прочимъ, что напрасно г. Радзиманскій отвергаетъ значеніе церковныхъ памятниковъ, какъ историческихъ и генеалогическихъ источниковъ: они представляютъ несомнѣнную историческую цѣнность, особенно при совпаденіи показаній ихъ со свидѣтельствами историческихъ писателей.

2) Профессоръ А. И. Кирпичниковъ прочелъ *„о палладіумѣ Константинополя“*. Сдѣлавъ историческія справки на счетъ обычая, употреблявшагося въ городахъ Римской имперіи поставлять статуи Судьбы, покровительницы вновь строемыхъ городовъ, авторъ собралъ указанія источниковъ о таковой же статуѣ Судьбы въ Константинополѣ, при основаніи его поставленной императоромъ Константиномъ Великимъ и торжественно имъ освященной, равно о другихъ статуяхъ, въ томъ же значеніи позже поставлявшихся. Къ обзору свѣдѣній по этому предмету (на основаніи статьи Стриговскаго) референтъ присоединилъ народныя византійскія преданія разныхъ временъ о Константиновомъ палладіумѣ, и показалъ, какъ постепенно значеніе прежнихъ статуй покровительницъ Царяграда получили статуи императоровъ Константина и Юстиніана, о коихъ говорятъ съ удивленіемъ наши русскіе и западно-европейскіе путешественники въ Царьградѣ. Авторъ заключилъ свой рефератъ обращеніемъ къ русскимъ ученымъ поискать, нѣтъ ли указаній въ русскихъ источникахъ на какой нибудь подобный же обычай въ древней Руси. Докладчику отвѣчали Ѳ. И. Успенскій и Д. И. Иловайскій. Первый изъ нихъ обратилъ вниманіе на аналогичныя указанія другихъ литературныхъ источниковъ Византіи, высказывающихъ ту же вѣру въ значеніе палладіумовъ—статуй при разныхъ историческихъ случаяхъ, напр., при взятіи Царяграда крестоносцами, при нашествіяхъ варваровъ и т. п. Д. И Иловайскій указалъ, что въ старой Руси значеніе покровителей городовъ имѣли каѳедральные храмы и священныя, особенно чтимыя изображенія въ нихъ, какъ напримѣръ св. Софія въ Кіевѣ съ ея иконой Богоматери—Нерушимой стѣны, и св. Софія въ Новгородѣ съ изображеніемъ Спа-

сителя со сжатою десницей, содержащей судьбу Великаго Новгорода. Такимъ образомъ древняя Русь своеобразно ставила этотъ вопросъ; она имѣла свои священные палладіумы, съ коими связывалась судьба того или другого города, по народнымъ понятіямъ.

3) Н. П. Авенаріусъ сообщилъ *„о Дрогичинскихъ пломбахъ“*. Изложивъ предварительныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ находки пломбъ въ древнемъ Дрогичинѣ, нынѣ заштатномъ городѣ Гродненской губерніи, потомъ приведя мнѣнія о значеніи этихъ пломбъ, высказанныя граф. Тышкевичемъ, проф. Лучицкимъ и другими, референтъ высказалъ свой взглядъ на значеніе этихъ интересныхъ, по загадочныхъ памятниковъ старины: по его мнѣнію, дрогичинскія пломбы, носящія изображенія славянскихъ буквъ, были изготовлены дома на русской почвѣ, а не въ Германіи, и имѣли значеніе не таможенныхъ знаковъ, а печатей, кои должны были привѣшиваться къ документамъ. Докладъ г. Авенаріуса вызвалъ много разнообразныхъ замѣчаній и сужденій о предметѣ его сообщенія со стороны присутствующихъ въ собраніи: одни (Жизневскій), согласно съ г. референтомъ, приписывали дрогичинскимъ пломбамъ значеніе печатей вмѣсто подписей, другіе посмотрѣли на нихъ какъ на гербы и знаки собственности; третьи приписывали имъ значеніе таможенныхъ знаковъ. Такъ, профессоръ и академикъ В. Г. Васильевскій замѣтилъ, что торговые и таможенные знаки очень рано были употребительны въ Византіи; по примѣру грековъ, и у насъ могли употребляться такіе же таможенные знаки.

Было обращено вниманіе на сходство знаковъ, изображенныхъ на пломбахъ, со знаками на древне-русскихъ кирпичахъ, было выражено желаніе, чтобы знаки собственно буквъ были изучены съ палеографической стороны и проч.

4) Е. Ф. Орловскій прочелъ рефератъ *„о началѣ города Гродны“*, предпославъ историческому очерку обзоръ древнихъ зданій, доселѣ въ Гроднѣ сохранившихся, начиная съ Коложской церкви XII вѣка, которой въ настоящее время, благодаря работамъ, предпринятымъ на противоположномъ берегу Нѣмана (для стоянки судовъ), угрожаетъ полное уничтоженіе. Затѣмъ референтъ обозрѣлъ всѣ прочіе памятники гродненской старины: „Старый“ замокъ Стефана Баторія съ его подземными ходами; новый замокъ, въ которомъ происходилъ извѣстный молчаливый сеймъ 1793 года, а также развалины Симеоновской церкви;

Референтъ поставилъ слѣдующія положенія; извѣстія кіевской лѣтописи XII вѣка о Гроднѣ, относятся къ нынѣшнему губернскому городу этого имени, а не къ Городнѣ, что нынѣ въ Минской губерніи, Пинскомъ уѣздѣ; основанія Гродны на Нѣманѣ было вызвано стратегическими соображеніями и религіозными; основаніе ея должно быть отнесено или ко времени похода св. Владиміра на ятвяговъ, или къ походу Ярослава Мудраго на тѣхъ же ятвяговъ. Докладчику были сдѣланы возраженія и замѣчанія со стороны Н. И. Петрова: онъ не считаетъ рѣшеннымъ вопросъ о началѣ Гродны въ изложеніи референта; онъ склоняется къ мнѣніямъ прежнихъ авторитетныхъ историковъ, что показанія лѣтописи XII вѣка относятся къ Гроднѣ въ минской области. Въ томъ же смыслѣ высказывался Е. Ѳ. Карскій, сообщившій нѣсколько устныхъ разсказовъ, слышанныхъ имъ при посѣщеніи мѣстечка Городны. Священникъ Паевскій и С. В. Писаревъ высказались въ пользу древности Гродны на Нѣманѣ, согласно съ референтомъ, который привелъ новый доводъ—древность Коложской церкви въ Гроднѣ. Было обращено вниманіе на выраженія: Слова о полку Игоревѣ о „трубахъ городенскихъ“. Но А. В. Лонгиновъ объяснилъ это не въ отношеніи къ Гродну, а въ отношеніи къ трубамъ городскимъ, которыми горожане приглашали на собранія и къ князю.

В. В. Грязновъ обратилъ вниманіе на то, что Городно пинское такъ ничтожно, и вокругъ онаго такое отсутствіе памятниковъ старины, что оно не могло быть княжествомъ; совсѣмъ не то представляетъ собою губерн. гор. Гродно.

А. И. Соболевскій полагаетъ, что тутъ идетъ дѣло о пограничномъ городѣ, имѣвшемъ особое стратегическое значеніе. В. Г. Васильевскій напомнилъ о князѣ Давыдѣ Гарденскомъ, про котораго говорятъ нѣмецкіе источники XIV вѣка, и котораго упустилъ изъ вниманія г. референтъ.

Референтъ еще указалъ на набѣги рыцарей на губ. г. Гродно въ самое раннее историческое время XII—XIII в.

Въ заключеніе засѣданія доложено было письмо преос. Іосифа, епископа Гродненскаго, въ которомъ онъ привѣтствуетъ членовъ съѣзда и выражаетъ глубокое сожалѣніе о томъ, что болѣзнь не позволяетъ ему принять участіе въ трудахъ съѣзда; вмѣстѣ съ этимъ преосв. Іосифъ приноситъ въ даръ всѣмъ ученымъ учрежденіямъ, приславшимъ на съѣздъ депутатовъ, по экземпляру своего сочиненія «Виленскій Православный Некрополь».

Постановлено выразить преосвященному Іосифу глубокую благодарность членовъ съѣзда.

Вечернее засѣданіе 7 августа 1893 года.

Отдѣленіе XIII—IX.

Почетный предсѣдатель профес. А. Бецценбергеръ.

Профес. А. Мѣржинскій прочелъ рефератъ о «Криве».

Проф. Мѣржинскій поставилъ вопросъ о Криве на научную почву, т. е. обслѣдовавъ его по источникамъ. Дюсбургъ первый и единственный достовѣрный источникъ въ этомъ вопросѣ, до него никто о Криве не упоминалъ, послѣ него два вѣка никто не знаетъ о Криве; только въ XVI вѣкѣ Грунау сообщаетъ намъ свѣдѣнія о Криве, но они недостовѣрны. Всѣ послѣдующіе писатели пользуются только Грунау и поэтому извѣстія эти не имѣютъ никакого значенія.

Референтъ привелъ изъ Дюсбурга 4 текста изъ V главы, III книги и подвергъ критикѣ первый отрывокъ (остальныя данныя Дюсбурга подтверждаются позднѣйшими, независимыми отъ Дюсбурга или Грунау, источниками).

Изъ содержанія перваго отрывка можно заключить, что онъ былъ написанъ между 1275—1326 гг., такъ какъ въ 1275 г. Надровія была покорена; такимъ образомъ Дюсбургъ имѣлъ довольно много свидѣтелей и могъ провѣрить ихъ сообщенія.

Во второмъ отрывкѣ слѣдуетъ отличать факты отъ мнѣній, толкованій фактовъ. Первые не подлежатъ сомнѣнію (Romowe лежало въ Норвегіи, въ немъ проживалъ жрецъ огня Criwe). Въ числѣ мнѣній производство Romowe отъ Roma невѣрно. Слово Дюсбурга о громадной власти Criwe подлежатъ критическому разбору. Власть его могла быть политической или іерархической. На основаніи историческихъ фактовъ можно утверждать, что въ Литвѣ того времени не существовало верховной политической власти; данныя о литовской миѳологіи и религіозные институ-

ты Литовцевъ указываютъ также, что высшей іерархической власти Криве имѣть не могъ, отсюда заключеніе, что Дюсбургъ преувеличилъ власть Criwe. Какія были основанія такого преувеличенія? Criwe, какъ жрецъ огня, занималъ выдающееся мѣсто среди гадателей. Найдя созвучіе въ названіяхъ Romowe и Roma, сопоставивъ извѣстіе о существованіи въ Romowe выдающагося по значенію жреца съ положеніемъ папы въ Римѣ, Д. и вывелъ что Criwe имѣетъ такое значеніе среди языческой Литвы, какъ папа у католиковъ. По мнѣнію референта власть Criwe не могла быть такъ обширна, какъ ее рисуетъ Дюсбургъ, и повидимому распространилась она только на одну Надровію. Затѣмъ профессоръ М. перешелъ къ вопросу, означаетъ ли названіе Criwe должность или что иное, и пришелъ къ заключенію, что это собственное имя послѣдняго жреца огня въ Надровскомъ Ромове.

Съ легкой руки Грунау названіе Criwe коверкается писателями на разные лады. Грунау первый пишетъ Krywo Krywaite въ значеніи жрецъ надъ жрецами; Гарткнохъ пишетъ Kriwe Kriweita, и эту послѣднюю форму употребляютъ слѣдующіе за нимъ писатели, но это не литовская и не прусская форма. Современные знатоки Литовскаго языка пишутъ Krivu Krivaitis—это грамматически правильно, но по значенію безсмысленно (верховный-верховный).

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о значеніи посоха Криве о чемъ упоминаетъ Дюсбургъ, проф. М. замѣтилъ только, что Криве повидимому имѣлъ власть собирать на совѣщанія о народныхъ дѣлахъ знатныхъ людей.

А. Ляцкій замѣтилъ, что названіе Криве Кривейте могло означать—верховный-верховный.

В. Г. Васильевскій высказалъ соображеніе, что выраженія, которыми характеризуется у Дюсбурга значеніе Криве, оказываются преувеличенными вслѣдствіе того, что онъ заимствовалъ ихъ *готовыми* у какого нибудь изъ классическихъ писателей, служившаго ему источникомъ фразеологіи.

У литовцевъ могло быть представленіе о верховномъ богѣ—въ повѣствованіи о свиданіи Гедимина съ францисканскими монахами говорится, что Литовцы почитаютъ своего бога (въ параллель съ богомъ христіанскимъ). Если подлинность этого повѣрія можно заподозрить, то византійскій писатель Грегора заставляетъ то же говорить Ольгерда.

Проф. Мѣржинскій отвѣтилъ, что не знаетъ никого, кто бы такъ плохо писалъ, какъ Дюсбургъ; онъ прежде слѣдовалъ общей манерѣ нѣкоторыхъ классическихъ писателей (Цезаря, Юстина), но изъ этихъ писателей ничего не выписывалъ. Что касается вопроса о верховномъ богѣ у Литовцевъ, то извѣстіе объ этомъ находимъ у Ласицкаго, но извѣстіе это принадлежитъ XII в., а христіанство проникло въ Жмудь въ XV в. и въ теченіе 100 лѣтъ могло повліять на образованіе понятія высшаго бога, управлявшаго низшими.

Многочисленныя данныя показываютъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Литовцы обращались къ отдѣльнымъ божествамъ—спеціальнымъ опекунамъ какого либо занятія человѣка. До христіанства не было условій въ выработкѣ понятія о верховномъ божествѣ.

А. И. Маркевичъ замѣтилъ, что Дюсбургъ могъ провесть у кого либо изъ классиковъ или въ Библіи о финикійскомъ божествѣ Еммунѣ и нѣкоторыя черты его перенесть въ Литовскій Олимпъ.

Проф. Мѣржинскій отвѣтилъ, что знакомство съ какою либо классическою литературою не могло быть у народа, стоявшаго на столь низкой степени культуры, какъ древніе Литовцы.

Д. И Иловайскій не соглашался съ отрицательными выводами референта, указывалъ на возможныя параллели—Кривичи и Криве, Ромове и Роменъ (Римъ), Перкунасъ-Перунъ. Въ русской миѳологіи были старшіе и младшіе боги. Возможное дѣло, что Дюсбургъ и преувеличилъ кое-что, но отрицать его показанія едва-ли возможно. Упорство, съ которымъ Жмудины отстаивали свою религію, доказываетъ большое значеніе религіознаго начала у Литовцевъ.

Проф. Мѣржинскій отвѣтилъ, что созвучіе Ромово и гор. Роменъ случайно. Понятіе о верховномъ божествѣ не могло выработаться у Литовцевъ уже потому, что на землѣ въ государственномъ устройствѣ Литовцевъ для него не было аналогіи, а небесный Олимпъ у всѣхъ народовъ характеризуется чертами соціально-политическаго строя народа. Литовская Троица выдумана у Гренау.

— А. А. Кочубинскій прочелъ рефератъ: *„Литовскій языкъ и наша старина“*.

Указавъ на значеніе литовскаго языка, какъ хранители аризма, т. е. главныхъ чертъ языковъ арійской семьи, референтъ замѣтилъ, что всестороннее изученіе литовскаго языка—нашъ долгъ передъ европейской наукой, требованіе времени, пока время не ушло.

Референтъ остановился въ своемъ докладѣ главнымъ образомъ на выясненіе генезиса слова „druska“—названія для соли въ литовскомъ языкѣ.

Вопросъ о знакомствѣ съ солью у арійской семьи проблематиченъ въ виду положенія литовскаго языка, имѣющаго свое оригинальное слово для обозначенія соли. Попытки доказать присутствіе общеевропейскаго слова для соли въ литовскомъ языкѣ неудовлетворительны. Докладчикъ ищетъ начала литовскаго термина для соли въ культурныхъ коммерческихъ отношеніяхъ давняго, доисторическаго для самой Литвы, времени, которыя, слабо отмѣченныя исторіей, имѣли когда-то мѣсто на громадномъ пространствѣ бассейна Вислы, между побережьемъ Балт. моря и славянскими Карпатами.

Вопросъ о происхожденіи слова „druska“ аналогиченъ съ вопросомъ о происхожденіи названія бронзы отъ имени итальянскаго города Brindisi, берковца отъ города Birki и т. д. Референтъ приводитъ названіе druska въ связь съ прусскимъ городомъ Truso (Эльбингъ).

Городъ Truso могъ имѣть раннія коммерческія сношенія съ югомъ по Вислѣ, т. е. съ Карпатами, и указывалъ на возможность поэтому вывоза соли изъ Трансильваніи на сѣверъ по Вислѣ въ гор. Трусо, т. е. къ литовцамъ.

В. А. Богородицкій замѣтилъ, что слово druska могло быть заимствовано у народовъ не индо европейскаго происхожденія (сюда можетъ относиться татарское тузъ—соль). Референтъ отвѣтилъ, что культура соли была такъ развита у славянъ, что не только Латыши, но и Мадьяры заимствовали ея названіе отъ славянъ.

И. О. Яблонскій сопоставилъ слово druska съ латышскимъ druska—мелочь.

И. А. Линниченко указалъ на возможность болѣе прямого полученія соли литовцами изъ Галиціи—путь черезъ Труску окольный.

И. П. Филевичъ указалъ на статью Пастернака о терминахъ горнаго дѣла въ Прикарпатской области. По изслѣдованію этого ученаго, всѣ термины эти славянскіе и указываютъ на очень древнюю разработку славянами соляного промысла.

Внѣшній видъ и нравственное величіе Пресвятой Богородицы.

Се еси добра, ближняя Моя. (Пѣсн. Пѣсн. 4, 1).

Церковный историкъ Никифоръ Каллистъ сохранилъ для насъ преданіе о внѣшнемъ видѣ Пресвятой Богородицы. „Она была", читаемъ у него, „роста средняго, или, какъ иные говорятъ, нѣсколько болѣе средняго; волоса златовидные, глаза быстрые, брови дугообразные и умѣренно-черные, носъ продолговатый, губы цвѣтущія, исполненныя сладкихъ рѣчей; лицо не круглое и не острое, но нѣсколько продолговатое; руки и пальцы длинные".

Но,—скажемъ вмѣстѣ съ св. отцомъ,—"поистинѣ въ Пресвятой Дѣвѣ изумляетъ насъ не только непорочная и чистая красота тѣлесная, но особенно совершенство ея души". И можетъ ли быть иначе, когда „въ ея лицѣ сосредоточено все сокровище благодати, и она была свята тѣломъ и духомъ"? „Одежда скромная, чуждая роскоши и нѣги; поступь степенная, твердая; взглядъ строгій, соединенный съ пріятностію; тиха и покорна родителямъ; рѣчь кроткая, льющаяся изъ незлобиваго сердца". „У нея умъ, Богомъ управляемый и къ одному Богу направленный; все желаніе устремлено къ Единому, достойному желанія и любви; ненависть только къ грѣху и виновнику его. Всѣ помышленія ея душеполезны, свободны отъ всего излишняго, удаляющіяся отъ всего душепагубнаго; очи ея всегда устремлены къ Господу, созерцая вѣчный и неприступный свѣтъ; уши настроены къ слушанію слова Божія, услаждаются сладкогласною цѣвницою Духа; уста восхваляютъ Господа; языкъ разсуждаетъ о словѣ Божіемъ и изливаетъ божественную сладость. Сердце ея чисто и непорочно, зрящее и вожделѣющее чистѣйшаго Бога. Вся—чертогъ Духа, вся—градъ живаго Бога, вся—добра, вся—предъ очами Божіими; ибо, восшедши превыше херувимовъ и будучи превознесена надъ серафимами, она соединилась съ Богомъ". "Она была дѣвою", говоритъ св. Амвросій, „не тѣломъ только, но и душею, смиренна сердцемъ, осмотрительна въ словахъ, благоразумна, не многорѣчива, любительница чтенія... трудолюбива, цѣломудренна въ рѣчи, почитая не человѣка, но Бога судьею своихъ мыслей; правиломъ ея было никого не оскорблять, всѣмъ благожелать, почитать старшихъ, не завидовать равнымъ, избѣгать хвастовства, быть здравомысленной, любить добродѣтель. Когда она, хотя бы выраженіемъ лица, обидѣла родителей, когда была въ несогласіи съ родными, погордилась предъ человѣкомъ скромнымъ, посмѣялась надъ слабымъ, уклонилась отъ неимущаго? У нея не было ничего суроваго въ очахъ, ничего неосмотрительнаго въ словахъ, ничего неприличнаго въ дѣйствіяхъ: тѣлодвиженія скромныя, поступь тихая, голосъ ровный; такъ что тѣлесный видъ ея былъ выраженіемъ души, олицетвореніемъ чистоты".

Церковный историкъ Никифоръ Каллистъ такъ дополняетъ нравственный образъ Пресвятой Дѣвы. „Она въ бесѣдѣ съ другими сохраняла благоприличіе, не смѣялась, не возмущалась, особенно же не гнѣвалась. Совершенно безыскусственная, простая, она нимало о себѣ не думала и, далекая отъ изнѣженности, отличалась полнымъ смиреніемъ. Относительно одеждъ, которыя носила, она довольствовалась естественнымъ цвѣтомъ ихъ, что еще и теперь доказываетъ священный головной покровъ ея. Коротко сказать: о всѣхъ ея дѣйствіяхъ обнаруживалась особенная благодать".

„У насъ всѣ знаютъ", писалъ св. Игнатій Богоносецъ, „что приснодѣвственная Матерь Божія исполнена благодати и всѣхъ добродѣтелей. Разсказываютъ, что она въ гоненіяхъ и бѣдахъ всегда бывала весела, въ нуждахъ и нищетѣ не огорчалась, на оскорбляющихъ ее не гнѣвалась, но даже благодѣтельствовала имъ, въ благополучіи кротка, къ бѣднымъ милостива и помогала имъ, какъ и чѣмъ могла; въ благочестіи учительница и на всякое доброе дѣло наставница. Она особенно любила смиренныхъ, потому что сама была исполнена смиренія. Много похвалъ воздаютъ ей видѣвшіе ее. О ней разсказывали намъ люди, достойные всякаго вѣроятія, что по ея святости видимо въ ней соединились естество ангельское съ человѣческимъ".

Добродѣтели Пресвятой Богородицы и благодать Св. Духа, предъочистившая ее для великаго дѣла—быть Матерію Божіею, поставили ее выше всѣхъ праведныхъ и святыхъ людей и даже силъ небесныхъ. Ея усердіе къ молитвѣ и благочестивымъ занятіямъ, приснодѣвственная чистота и цѣломудріе, вѣра въ обѣтованія Божіи, всегдашняя внимательность къ путямъ промысла Божія, преданность волѣ Божіей, благодушное перенесеніе трудныхъ житейскихъ обстоятельствъ, непоколебимое мужество среди величайшихъ искушеній и скорбей, материнская заботливость, сердечная теплота къ сродникамъ, а главное—безусловное во всемъ смиреніе—вотъ нравственныя совершенства, постоянно проявлявшіяся въ ней отъ младенчества до успенія. (Кост. Е В.)

— **Въ Вильнѣ** обнаружились случаи заболѣванія холерою, какъ о томъ оффиціально сообщено.

— Въ „Гражданинѣ" помѣщенъ **противохолерный рецептъ**: при явномъ заболѣваніи холерой 1 чайную ложку порошка бѣлаго имбира на $1/2$ чайнаго стакана бѣлаго виноградняго вина; въ крайнемъ случаѣ $1/2$ чайной ложки перекипяченой воды пополамъ со столовой водкой, на одинъ пріемъ; дѣйствіе различно: чрезъ 5—10 минутъ прекращеніе рвоты, поноса, корчей и болей желудка, глубокій сонъ (сухой); 2—3 часа сна съ потомъ; послѣ сна общая слабость, дать вина или водки 1—2 рюмки черезъ 1 часъ. „Это народное средство два раза спасло мнѣ жизнь (прошлою осенью въ сентябрѣ и с. г. лѣтомъ, въ іюлѣ)", пишетъ авторъ рецепта.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурою.
Цензоръ Каѳедральный Протоіерей *Петръ Левицкій*

Вильна. Губернская Типографія.
Ивановская у. № д. 11.